

Давненько я задумал написать очерк об Игоре Игнatenко и мысленно неоднократно пытался развернуть канву будущего повествования. Мы знакомы более сорока лет. Иногда наше общение было довольно тесным, повседневным, но иногда мы ходили разными тропами, которые, увы, подолгу не пересекались. Словом, для исполнения задуманного мне необходимо было вернуться к не такому уж близкому прошлому, сличить, сопоставить его с настоящим и задать вопрос: каково тебе, Игорь, было в этой непростой и нескудной жизни и что сегодня освежает твоё дыхание?

Ещё в начале шестидесятых годов я первым подошёл к Игнatenко на одном из студенческих вечеров и без излишней витиеватости заявил о желании с ним познакомиться. Дело в том, что в газете «Амурский комсомолец» периодически появлялись его стихотворения, которые мне нравились. Сам я за всю свою жизнь не связал ни одной приличной строфы, но к поэзии всегда был равнодушен.

Была пора многообещающей хрущёвской оттепели, на страницах популярных литературных и общественно-политических журналов «Октябрь», «Смена», «Огонёк» появились имена Евтушенко, Ахмадулиной, Вознесенского, Окуджавы. Правда, вскоре Никита Сергеевич решил, что дал слишком много свободы творческой интеллигенции, резко отозвался о работах Э. Неизвестного, подверг публичной порке того же Евтушенко. Но именно в это время стала чахнуть поэзия, пропитанная, глубоко оксереждённая официозом и раболопием. А вот от поэтических проб Игоря исходил приятный аромат родной природы и молодости.

Чуть позже надолго и накрепко нас повязал и сблизил спорт.

В более зрелом возрасте мы стали встречаться гораздо реже, что вполне объяснимо. Игнatenко зарабатывал на жизнь журналистикой, я врачеванием и преподавательской работой в вузе. Когда я говорил Игорю, что продолжаю следить за его творчеством, он удивлённо вскидывал брови и с мягкой иронией, но с явным удовлетворением, произносил: «Надо же! Вот не думал». Далее следовало конкретное предложение: «Слушай, давай как-нибудь встретимся, поболтаем, поинтересуемся в шахматы сгоняем. Ведь нам с тобой есть о чём вспомнить». В одну из таких встреч мы условились съездить в Ромны.

— Понимаешь, давненько не был на своей родине, а побывать хочется. Да и с членами районного литературного объединения надо бы встретиться. А то скажут люди: «Как стал Игнatenко руководителем областной писательской организации, так и глаз не кажет. Ну что, поехали?».

Дорогу мы выбрали поинтересней, не асфальтовую белогорскую ленту, а более спокойную и отрадную для глаза, через сёла Ивановку, Луговое, Rogozovку. Занимался стылый зимний рассвет. Озябшие снаружи деревенские избы ещё меланхолично подрёмывали, а их хозяева уже просыпались, неспешно выгребали из домашних очагов вчерашнюю золу, закладывали в топку припасённые с вечера, отогрешившиеся поленья, погромыхивали кухонной утварью.

Наконец из-за горизонта появилась обожжённая холодом макушка красного святила. Монотонная поначалу белизна полей заискрилась, под взгорками обрисовались неглубокие тени, и небогата на полутона палит-

ра зимнего утра оживила пейзаж. Совсем близко, метрах в пятидесяти от дороги, настороженно присела промышляющая мышами лиса.

— Ах ты, рыжая пройда! — Игорь надавил на клаксон, и зверёк, прикрывшись от возможной опасности пушистым хвостом, сделал несколько прыжков и исчез в ближайшем перелеске.

За три часа неспешной езды можно вдосталь и наговориться, и поспорить; Игорь спорит, как и говорит, вообще, довольно обстоятельно. Аргументов в свою пользу может привести великое множество, подкрепить их сравнениями, аналогиями. Доводы оппонента выслушивает внимательно, после чего убеждённо и последовательно начинает их опровергать и, наконец, решает разом оборвать утомившую его дискуссию: «Коля, не спорь, я это лучше знаю». Всё, спор закончен? Можно ставить точку? Отнюдь. Я извлекаю из своих записников не менее действенное оружие — делаю безразличную отмашку рукой. Мол, укрепляйся в своём мнении, а я останусь при своём.

Посёлок Ромны, одноэтажный и деревянный на въезде (лишь центральная районная больница — исключение), встретил нас крепким морозцем. Клубы дыма из печных труб устремлялись строго вверх, постепенно всё более кучерявясь, теряя свою тяжеловатую, со свинцовым отливом, сочность и, наконец, рассеивались в необозримой небесной сини. На крыльце угловой избы появилась женщина в телогрейке нараспашку, заторопилась в огород, что-то выплеснула из ведра, на обратном пути прихватила несколько берёзовых поленьев и вернулась в дом. Высунув из конуры кудлатую голову, просто так, на всякий случай дважды взбрыкнул пёс и умолк, посчитав свою миссию охранника подворья выполненной.

В центре посёлка, у одной из серых, безликих многоэтажек, Игорь попросил: «Притормози». Вышел из машины и призывным взмахом руки попросил меня проделать то же самое.

— Порой грустно вспоминать, что на этом месте когда-то стоял наш дом, добротный, рубленый, по-деревенски уютный. Но и отрицать блага цивилизации, к которым мы, кстати, очень привыкли, может только ханжа. Человеческое общество изначально по своей сути противоречиво. Кто-то объединяется в партии «зелёных» и бьется за здоровую, чистую природу. С другой стороны, мировое сообщество решает свои техногенные проблемы, особенно не забывая об экологии. И хотя в моём стихотворении «Путешествие в лето» есть строки «не завидую жителям города ни зимой, ни весной и не летом», сегодня я человек сугубо городской. Несколько вылазок на рыбацкие уголья, сезонной работы на шести сотках мне вполне достаточно, чтобы пообщаться с матушкой-природой, прислушаться к ней, посоветоваться. Хватает времени на воспоминания о детстве и о родителях.

Отец его Данил появился в Амурской области в начале тридцатых годов. Страшный по своим последствиям голод на Украине подвиг многих малороссов на перемену места жительства. В Благовещенске он получил среднее медицинское образование, начал работать, но областное партийное начальство быстро выделило инициативного коммуниста из числа других медиков и направило в Ромны заведовать районной больницей. Собственно, больницы еще и не было, ее надо было построить. Дело у молодого руководителя спорилось. В одной из командировок на станции Куйбышевка-Восточная (ныне г. Белогорск) познакомился с Ниной. Без баловства, сколько было положено приличиями того времени, встречались и с соблюдением всех формальностей создали семью. Через год в молодой семье появился Игорь.

Отец был строгий, сдержанный и вечно озобоченный делами. Мать — прямая противоположность своему мужу. Эликсиром жизни, который непрерывно трансформировался в энергию действия, она была наделена в избытке. Нина Александровна быстро сходилась с людьми, привлекла прямоот характера и не

случайно именно она создала в Ромнах народный театр, где была и режиссером, и актером, и продюсером. На представления в районном доме культуры люди ходили как на праздник. По вечерам вся семья Игнatenко слушала радио (телевизоров тогда и в помине не было), и, если шла передача «Театр у микрофона», все внимание было обращено к матери. В вопросах оценки сценического искусства она была непререкаемым авторитетом.

Дома — характерная для тех времен скромность и простота. Все необходимое и ничего лишнего. На подворье —

новые обочины дорог, завлекали деревенских женщин, и те, наскоро набросив на дверь щеколду, набрав в лукошко яиц и пряча в глубокие карманы сбереженные для этого случая медяки, мчались узнать свою судьбу.

Мужики степенно узнавали, нельзя ли подковать лошадь. Бытовало мнение, что цыгане больше специалисты по этому делу. Внимательно рассматривали копытные гвозди-ухнаги, обсуждали, как лучше ковать — на «горячую» или на «холодную», справлялись насчет лечебных прокладок на травмированное копыто.

Упрутгий шаг лиры

Очерк

(Печатается в сокращении)

коровка, поросенок, куры. Сразу за огородом плантация дикой земляники, орешник. Поздно вечером мама заносила домой подойник с парным молоком, хлопотала у плиты; и не понимал Игорек, от чего кисти рук у нее раскрасневшиеся и слегка припухшие: то ли от печки тепло взяли, то ли от холода не отошли. Память сохранила детские впечатления, и годам к сорока они сложились в простые, но полные сыновней заботы строки: «И не забыть, и не избыть, хоть на пороге зрелость, желанье печку испить, чтоб мама отогрелась».

Послевоенные годы запомнились не столько ветхой одеждой, сколько очередами за хлебом и ужасным дефицитом на хорошую детскую книжку. Вечером, отмыв уличный загар и слегка умаслив пустой желудок, Игорек терпеливо дожидался мать. Это была как игра, как детский ненавязчивый тренинг. Если мама входила в дом как-то неуверенно, пряча глаза от сына, и подчеркнуто тяжело произносила: «Ух, устала», было ясно: сегодня новой книжки нет. Если же мама входила с улыбкой на лице и глаза ее роняли весёлые искорки, он подлетал к ней и запускал руку в сумку. Есть! Бианки!

Ученые до сих пор ломают копыта: что же в большей степени формирует характер и склонности личности: генетика, воспитание или среда человеческого общения? Очень не хочется верить, что генетике все-таки отдадут окончательный приоритет. От этого веет холодной безысходностью. Думаю, что именно воспитание в раннем детстве, особенно материнское внимание, навсегда повязало Игоря с природой-матушкой. Любой его поэтический сборник являет картинку с природы, то грустно-лирические, то романтические, то философские. А тогда, в детстве, Бианки, Пришвин, Паустовский. Он торопил строчки, порой даже перескакивая глазами через них, — уж очень хотелось скорее узнать, чем же закончится дуэль охотника Степана и ловкого соболька Аскитра. Сердечко куда-то обрывалось — неужели, неужели охотник победит? Хрупким мальчишеским тельцем ощущал он яростную силу Лося-Однца, его статью, уверенность и мудрость. А слова, слова-то какие: кержаки, шивера...

Как-то он вычитал, что герои Д. Лондона, старатели, эти отважные и удачливые люди, питались фасолью и беконом.

— Бабушка, давай сегодня поужинаем фасолью и беконом.

— С чего это ты так разохотился?

— Ну, пожалуйста, бабушка.

Вечером на столе источала спадковатый запах отварная фасоль.

— Бабушка, а бекон?

— А это что? — вопросом на вопрос ответила бабушка, указывая на сало.

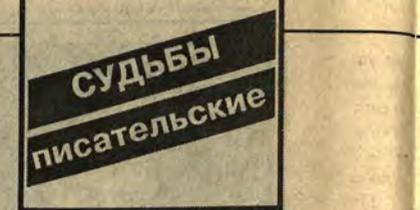
Оба блюда Игорю не понравились, но, подавив в себе нежелание, а, может быть, даже и отвращение к тяжелой, жирной снеди, он подчеркнуто деловито и аппетитно разделался и с тем, и с другим. Больше с подобными заказами Игорь к бабушке не обращался.

Каждым летом, как правило, к закату испепеляющего светила, в деревне появлялись цыгане. Несколько кибиток таборилось рядом с поселком, проза жизни в деревне делала качественный скачок. Цыганки, подматая юбками пыль-

Табор снимался с места рано утром и исчезал так же неожиданно, как и появлялся. Ромненские пацаны, едва позавтракав, бежали на встречу со своими новыми знакомыми цыганятами, но заставали лишь потухшие костры и другие атрибуты бывшего табора. Долго еще мальчишки смотрели на ускользающую змейкой из поселка дорогу. Там, где она пропадала, в голубом мареве раннего утра начинали вырисовываться неясные отроги гор. А что же там, за этими горами? Цыганята уже знали. Деревенским пока не довелось.

Детворе только дай поглазеть на мир. Удивленными глазами они рассматривают окружающие их краски, предметы, людей. Мальчишки, не представляя опасности, которую нередко таит в себе любая новизна, открывая для себя пространство, события, взгляды посторонних, часто ставят и себя, и родителей на грань потрясений. Как-то Нина Александровна, задумав посетить близких родственников в Москве, взяла с собой в дорогу сына, которому еще и 3-х лет не было. А быть в белокаменной с малым дитем да не наведаться в «Детский мир» не позволит себе ни одна мама. Пока она рассматривала нехитрую детскую одежду да прикидывала свои финансовые возможности, Игорек, освободившись от теплой маминой ладони, сделал один шаг, потом другой, третий. Нина Александровна вдруг ощутила, что сына рядом нет. Встревоженно осмотрела торговый зал, раздвинула, растормошила жиденькую очередь покупателей — бесполезно! Что-то противно кувыркнулось в груди, ноги враз ослабели, стали как ватные. Она кинулась в соседний отдел, затем в другой — нет сына. Вбежала по лестнице вверх, потом снова устремилась вниз, а он шагает себе самостоятельно по ступенькам. Не помня себя, она схватила его за воротник пальтишки и только собралась примерно отшлепать, как вдруг услышала: «Мамаша, не наказывайте ребенка. Он будет у вас великим человеком!». В голове слышались требовательные и в то же время успокаивающие нотки. Одной рукой удерживая сына, а другой, пытаясь машинально поправить выбившуюся из-под полушалка прядь волос, она стала медленно поднимать глаза. Первое, что увидела, — огромные, давно не видевшие гуталина ботинки, затем длиннее, достаточно поношенное пальто и, наконец, глаза мужчины, большие, черные, устремленные на нее. Смутьившись, она оставила затылок за покупками и повела Игоря к выходу. Впоследствии она иногда обращалась к сыну с легкой иронией в голосе: «Ну что, великий человек, кашу будешь есть с маслом или с молоком?».

Если бы один такой эпизод, а сколько их было в жизни. Видимо, матушка-природа изначально заложила в Игоря вкус к путе-

шествиам. Придет время, и спорт с журналистикой утолят жажду странствий, откроют для него все регионы Союза.

А пока парнишка рос себе в удовольствие, без проблем осваивал школьные премудрости, чуть повзрослев, сме-

нил Ромны на Тамбовку, куда отца перевели на партийную работу, стал поговаривать себя в литературе и не наотказу увлекся легкой атлетикой. Ну спорт на селе, да еще в пятидесятые годы — это занятие только для натур увлеченных и самостоятельных. Игорь где-то раздобыл подшивку журнала «Легкая атлетика» и начал изучать кинограммы ведущих спортсменов, пытаясь в этих застывших кадрах уловить динамику движения.

В эти годы Игорь и начертал себе программу на ближайшее время: «Буду поэтом и прыгунгом», причём сначала с мальчишеской непосредственностью вырезал эти слова на дереве, а чуть позже выразил своё желание в стихотворной форме. Он стал и тем, и другим, с той лишь разницей, что карьере прыгуна вынужденно, из-за травм, завершил, не реализовав свой потенциал, а в поэзии только-только приоткрыл несколько страниц не пронумерованной книги жизни.

...Учась в институте, Игорь публиковался редко. Понимал, что зелен еще, что поэзия — это не только аккуратно уложенные кирпичики четверостиший. Учеба, одновременная работа в малотиражке ответственным секретарем, спорт не оставляли свободного времени. Как ни странно, его появилось больше, когда после института он был призван на действительную службу рядовым в войска ПВО. Армейские чины знали, что новобранец уже бывал призером зональных соревнований по легкой атлетике и проверили силы Игоря в военном троеборье. Игорь выигрывает первенство армии, после чего отцы-командиры переводят его в спортивную роту. На первенстве Дальневосточного военного округа он становится чемпионом в барьерном беге. Спортсменом такого

уровня на военной службе находятся на несколько привилегированном положении: тренируются по собственным планам, располагают свободным временем. У Игоря появилась возможность заняться творческой работой.

Появилось желание публиковаться. Печатались в дивизионной газете, щедро раздаривал посвящения и стихотворные автографы, за что удостоился лестного сравнения с Т. Г. Шевченко, и много читал. Именно тогда стал понимать, что для создания искомого, запоминающегося образа желательнее использовать минимум выразительных средств.

да остаться подражателем. Не мог он пойти по проторенному пути, не заложено в нём это качество от рождения. Стал чаще публиковаться в периодике, мечтал о собственной книжке, но пробыться в планы издательства было очень сложно. Собственно говоря, он к этому и усилий особых не прилагал. Я полагаю, что виной тому была повышенная требовательность к себе, как к начинающему поэту.

После службы в армии Игнатенко вернулся в Благовещенск, стал подыскивать работу. В ту пору заместителем областного комитета по телевидению и

бенно пошёл на областном совещании молодых литераторов в 1975 году, где присутствовали гости из Москвы, Хабаровска, а поэтический семинар вел М. Асламов. Игорь собрал все свои рукописи, надеясь на доброжелательную рецензию, но получил солидную порцию критики. К счастью, он воспринял ее, хотя и болезненно, но вполне достойно и понимающе. Понял и другое, что, работая на радио с ненормированным рабочим днём, выполняя экстренные, нередко стрессовые задания, он себя в поэзии не реализует. Старый добрый товарищ Коля Недельский посоветовал по-

Игорь никогда не любил опережать события. Он не прочь приостановиться, вчитаться в уже ранее опубликованные им строчки, как в беспристрастный протокол соревнований, посетить (скорее всего, нарочито) на дефицит фантазии, воображения. А неспешность... Что в этом предосудительного? Это же задуманный и запрограммированный жизнью, неторопливый творческий стиль, как «бегущий вразвалочку почерк».

Нашему поколению лихолетья было отмерено сполна. Чего стоили одни годы войны и послевоенная разруха! Нам довелось шагнуть из общества «развитого социализма» в никуда, в безвременье. В то доперестроечное время некоторые из «классиков» литературы стали лауреатами различных премий, превознося сомнительные достоинства нашего государственного устройства и его лидеров. Мне не знаком Игнатенко-поэт, бьющий себя в грудь кулаком: «Я люблю тебя, партия родная», или что-нибудь в этом роде. Как исключение, пожалуй, можно назвать стихотворение «Шахматный столик», Игорь в присущей ему спокойной манере попытался проникнуть во внутренний мир Ильича. Впрочем, не совсем убедительно. Но к неисчерпаемой теме Родины он обращается постоянно: деликатно освещает затенённые закулисы истории, перелистывает фолианты древности, раздумывает над «Словом о полку Игореве».

Посмотри.

Подумай.

Помолчи...

Растекись по матушке Руси
И иного счастья не проси.

И далее:

Далеки те годы, далеки.

Полегли хоробрые полки.

Но осталось «Слово...» наизусть,

Но живёт и помнит князя Русь.

Метаморфозы, случившиеся с нашей страной, никого не оставили равнодушными. Враз ушедшие в небитие стабильность и социальная защищённость общества, переоценка духовного и исторического наследия - вот истинные результаты шоковой терапии. Всё мы это пережили и продолжаем переживать. Вконец запугавшие вожди, даже лозунгов новых не придумавшие, растерянно разводили руками. Лишь проходимцы всех мастей и рангов сорентировались и оттапали самые жирные куски от пирога, который раньше принадлежал всему народу, «все полезли в думу, в бизнес, на толчок...». Игорь неохоч до политиканства и суетных партийных игр. Ну, не для него эта возня! Тем не менее свою гражданскую позицию поэт не обозначить не мог. Чувствуется, что только природная деликатность и особая осторожность в выборе крепкого слова удерживают его в рамках приличных выражений.

Выпьё и без повода -

Под солёный груздь;

Запою протяжную

Песнь про Ермака.

Ох и время подлое!

Русь заела грусть,

Нет на ней отважного

Ивана-дурака.

...Стоп! Кажется, я несколько увлёкся и начинаю осязая неотвратимость крушения своих желаний дорисовать портрет И. Игнатенко, оценивая его поэзию. Всё-таки я врач, а не «книжник». Оправдываю свою смелость перед читателем лишь надеждой на понимание моих искренних побудительных мотивов при написании данного очерка и мыслью: для кого же творческие люди пишут, сочиняют, создают, возносятся в поднебесье, ломают крылья, изнемогают в трясине бытовых и прочих неурядиц, недопонимания? Да для нас всех, простых смертных, чтобы мы прикоснулись к прекрасному и удивленно, поновому взглянули бы на булькающий ручей, «бегущий почерневшим долом». А еще не могу не отметить, что в самом начале творчества Игоря привлекло моё внимание тем, что лексический и фразеологический материал, им используемый, заставлял задумываться, удивляться, не соглашаться, чтобы в итоге покорно проникнуться вместе с автором почтением к неповторимому родному языку.

Он всегда стремился быть неординарным, непохожим, нестандартным. Так было в спорте, в журналистике, в обы-

денной жизни. Когда в печать «прошли» его первые литературные опыты, ему, по-видимому, захотелось сказать что-то новое, удивить новизной лексики. Но, увя и ах! В кладовых фразеологии отечественной литературы остались лишь микроскопические, незаполненные ниши. «Обокрали меня словаря, а деньги прокутрули», сокрушается он: Для выражения своей причастности к родной речи Игорь использует архаизмы, слова церковно-славянского происхождения, где-то даже теряет осторожность и бредёт по хрупким забрегам повторяющихся стилистических и лексических приемов: «ничтожный миг земной юдоли не променяй на злую волю», «юдоль земная, брызги светом в вежды». Мягко переливаются из одного стихотворения в другое «окоем», «стеся», «листобой». Кстати, такая привязанность характерна для раннего Игнатенко. Мы порой не замечаем, как в одной и той же книжке неоднократно могут повториться «шепот губ», «темная ночь», «любовь», «метель» и т. д. А архаизмы заметны. Необычно! Но ведь порой впечатляет, обогащает, заставляет задуматься! Создал интересный образ, Игорь нехотя и не сразу с ним расстается: «Корабль готов... Повяло! Прощайте. Уплываю», а в другом стихотворении: «Парус поднят. Канаты обрублены. Всё - уплываю». Или: «Горчинка цветенья - вкус млечного сока», и «О, как горчат живительные соки!». Мне показалось, что в «Балладе о спичках» буквально в двухстрочном описании раннего утра он неосторожно, волюно или неволью, пошёл на опасное сближение с классиком С. Есениным.

По его собственному признанию, им написано более полутора тысяч стихотворений. Опубликовано менее одной трети из них. Остальные нуждаются в доводке, правке, часть из них вообще не попадет в печать. И в то же время в миниатюре «Мысли и камни» дважды опубликованной, заменено одно слово - «детские» на «давние». Используя шахматную терминологию, поэт поясняет, что при разборе партии можно найти термин «этот ход более эластичный». Так же и состояние души, меняющееся настроение иногда настойчиво требуют иных выразительных средств для восприятия природы и обновлённого мироощущения. Нельзя же поэзию приносить в жертву буквализму!

В России всегда было не просто опубликоваться, но то, что сейчас происходит, порой повергает в уныние. В открытые шлюзы свободной печати с подачи Эдички Лимонова и ему подобных хлынул мутный поток бумажотворческого злотажа. Мало не принимать близко к сердцу эти дурно пахнущие нечистоты, надо ставить на место сексуально озабоченных писак. Игорь не снисходит до полемики с ними, а вколачивает гвоздь в крышку ящика, в который укладывает подобные писания: «Ты не поэт, а мученик либидо, бумажный непотребный рукоусой».

Поэтическая стезя Игоря привела его к очередному, логически оправданному этапу. Сейчас он возглавляет областную писательскую организацию. Он радуется, что в наше непростое время открыл для себя и других молодого, неординарного Е. Кольцова и помог получить ему высшее филологическое образование. В простом селе нашел и представил общественности одиннадцатилетнюю Женю Бутovu, помог издать ее первую книгу стихов. Неостеребанные ранее задатки тренера и учителя оформляются сейчас в нем в нечто большее, сулящее открыть новые поэтические дарования, дать полноценный прирост областной писательской организации.

У Игоря никогда не было гладких дорог. До сих пор ему удавалось обходить рытвины и ухабы, преодолевать барьеры, медленно, но верно продолжать восхождение по крутым отрогам жизни. Чего это стоило, знает лишь он, его семья и самые близкие друзья. Многие из пережитого воплотилось в поэтическое творчество, заставило провести ревизию собственного духа. Но многоборец в спорте и в жизни И. Игнатенко ни разу не дал повода усомниться в его бойцовских качествах.

Исторической строки

В свое время С. Есенин, поэт уже довольно известный и читаемый, ощутив дефицит общения и творческий застой, шел за советом к А. Блоку. Игорю же было не к кому, оставались лишь книги. В творчестве русских поэтов он находил ответы на вечные вопросы бытия. Неповторимая яркость или, напротив, лаконичная простота образов, созданных классиками, завораживала, гудкие метафоры долго не давали уснуть. Он воочию представлял, как творил свои вирши астматический романтик Э. Багрицкий, расцветившие образы его героев искристо переливались, ослепляли, а слова просились на музыку.

радиовещанию работал Ю. Залысин. Фронтвик, человек с убеждениями, довольно смелый в принятии решений, он на свой страх и риск пытался привнести в политизированный и перегруженный абстрактной декларативностью вещательный организм что-нибудь свежее. Возникла идея создания молодежной редакции. Когда на пороге его кабинета появился высокий парень в солдатской форме и кратко рассказал о себе, председатель радиокomiteта профессионально уловил - это то, что надо. За плечами не просто истфил, но уже и школа жизни. А главное, на что обратил внимание Юрий Петрович, - это с явными дикторскими задатками голос. Едва влившись в коллектив, Игорь получает социальный заказ на ведение репортажей с праздничных демонстраций, шествий, футбольных матчей. Но главным, конечно, была работа в молодежной редакции. Работалось интересно. В то время молодежь была достаточно организована и являла собой заинтересованную аудиторию. В редакцию шло много писем от слушателей. Из Новой Зеландии пришла радиogramма от наших моряков. Они благодарили ребят за интересные передачи и просили поздравить с днем рождения своего товарища. Разве это не стимул для творчества?

Как-то пожеловал в область председатель Совета министров РСФСР Д.С. Полянский. Не успел выйти из самолета, как ребята из «молодежки» тут как тут у трапа - пытаются взять интервью. В тот же день Ю. П. Залысина приглашают в обком КПСС: «Кто позволил, почему не по протоколу? Не положено!». Наказали его крепко за эту самостоятельность, а он ребят даже журить не стал, лишь попросил впредь быть поаккуратней.

Интенсивная работа на радио не оставляла времени для поэзии. Это он осоз-

дискать менее суетную работу, например, в малотиражке. И сегодня Игорь благодарен другу за дельный совет, а судьбе за то, что свела его с ректором сельхозинститута Б. И. Кашпурой. 12 лет отработал Игорь в БСХИ, редактируя институтскую газету, постоянно ощущая заинтересованность и заботу ректора. Борис Иванович не обходил вниманием и других писателей, помогая иногда кому деньгами, кому подарками. Именно в этот период Игорь издал три книги своих стихотворений. Сегодня счёт поэтическим сборникам Игнатенко перевалил за десяток.

Он человек публичный и достаточно известный. Всё, что накоплено за годы жизни: победы и озарения, ошибки и заблуждения, боль утрат и приобретения - всё, что выстрадано им в ночных бдениях за письменным столом, доверено белому листку бумаги. При восприятии поэзии читателем слишком ничтожным бывает расстояние между субъективным и объективным. Отсюда и разные, порой полярные суждения людей при оценке одного и того же произведения. И тем не менее, полагаю, невозможно просто так, беспрепятственно взять и огульно охаять или сладко облизывать влажными губами творческую личность, ибо она всегда открыта и сама обнажается перед читателем в своём творчестве. Поэтому я попытаюсь дорисовать портрет моего друга, обратившись к его поэзии, хотя, честно сказать, сам немного удивляюсь своей смелости.

...Странно, но спортивная тематика присутствует в его поэзии весьма условно, и, следовательно, только лишь повесть «Бег по кругу» можно считать неизбежной данью незабываемым стартам. Хотя я бы не торопился с таким заключением.

Действительно, описания спортивных легкоатлетических баталий в поэтических сборниках нет, а вот для бокса место нашлось. Я сначала удивился, когда наткнулся на стихотворение «На ринге». Игорь - и вдруг бокс. Наивность моя была посрамлена после прочтения последнего четверостишия:

Сфальшивить в боксе - значит проиграть,
Вот так и в жизни: бьют нас и толкают.

Из ритма выпал - и уже нокаут,
И есть кому до десяти считать.

Нет, не забыл Игорь об одном из главных и долгих увлечений своей жизни, однако стал смотреть на спорт не только с позиций чемпиона и рекордсмена, но и с высоты поэтического воображения, используя сюжеты и внутренние подоплёку спортивных баталий для сочных, порой аллегорических оценок жизненных коллизий и ситуаций. С лёгкой грустью, иногда с назиданием он пишет посвящения друзьям-соперникам: В. Шкапу и А. Енютину, ставшим впоследствии известными тренерами. Да, «жизнь - огромный стадион», и очень важно не только мощно и стремительно взять старт, но и сохранить силы до финиша. И не беда, когда, взмывая высоко над планкой, ты ненароком сбиваешь её. Встань, отряхнись, готовься к следующей попытке. Надо мечтать о новой высоте! И если она не покорила тебе, её преодолеют твои ученики.

Береты моряков обшиты галунами,
На пурпурных плащах
в застёжке - бирюза.
У бледных девушек зеленые глаза
И белый ряд зубов
за красными губами.

Довольно долгое время он навязчиво чувствовал избыточную притягательность В. Луговского, гражданина и философа. Тонкий лирик уживался в нем рядом с первозданным мужским началом, мужеством.

Все дома лежат в туманной яме,
Брешет пес, бездомный и ничей.
Ветер дышит черными ноздрями,
По ушьюлю прыгает ручей.
И у него же:
Я жить хочу! И глыба сил моих
не хочет распадаться...

Постепенно Игорь стал ощущать, что хочется что-то сотворить под Луговского, например. Он и позже признавал, что попытки позимствовать литературные приёмы, художественные образы, уже разработанные другими поэтами, у него были, но, к счастью, быстро понял, что существует предел в увлечении творчеством других поэтов. Если эту границу не перешагнуть, можно навсег-